

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.982

DOI: 10.26456/2219-1453/2023.3.125–141

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ЧАСТЬ 2

И.В. Медведев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Интеграционные проекты на постсоветском пространстве всегда отличались собственной спецификой и противоречивостью. Образование новых государств и появление новых экономических и политических объединений, обусловленных стремительным распадом СССР, определило национальные интересы и суверенитет в качестве ключевых компонентов интеграции между новыми независимыми государствами. Эта особенность нередко приводила к тому, что при заявленных целях развития единого экономического пространства нередко получались совершенно иные результаты экономических, интеграционных процессов в регионе. Указанная противоречивость делает актуальным обобщение накопленного опыта экономической интеграции на постсоветском пространстве для выделения особенностей, ошибок и перспектив развития интеграционных проектов в исследуемом регионе. Целью исследования является поиск, обобщение и адаптация теорий экономической интеграции с целью уточнения изменений в регуляторных функциях интеграционных проектов постсоветского пространства как на уровне интеграции между новыми независимыми государствами, так и на уровне взаимодействия интеграционных объединений постсоветского пространства с другими региональными структурами. Научная новизна обуславливается приращением научного знания в контексте адаптации рассматриваемых теорий к управлению интеграционным процессом на постсоветском пространстве. В ходе исследования анализируется устойчивость институционального основания интеграционных проектов и проводится уточнение наднациональных аспектов интеграции постсоветского пространства.

Ключевые слова: *Евразийские интеграционные проекты, ЕАЭС, СНГ, институциональное основание интеграции, национальные интересы, элиты, суверенитет.*

Типы интеграционных проектов на постсоветском пространстве в контексте интеграционных теорий

На сегодняшний день тренды и перспективы развития национальных экономик постсоветского пространства получают все большее обсуждение в рамках научного дискурса о роли и миссии ПСП в глобальных интеграционных процессах на уровне исследуемого макрорегиона.

Одной из основных особенностей, важной для понимания интеграционных процессов на постсоветском пространстве является

проблема адаптации и применения существующих теорий экономической и политической интеграции к ПСП и ННГ. Многие из западных теорий экономической и политической интеграции существенно опираются на становление Европейского Экономического Сообщества – Евросоюза.

В отличие от интеграционных процессов ПСП европейская интеграция с самого начала была не только институциональной, но и наднациональной. В качестве примера наднациональных структур можно привести Еврокомиссию, Европейский Суд, Европейских Совет, решения которых носят обязательный характер в отношении стран-членов. Такой подход обуславливает тезис о том, что интеграция считается неудачной или просто не состоится, если она не основана на предшествующем экономическом сотрудничестве [27, pp. 423–426] или взаимозависимости [25].

Частично этот тезис также применим и к интеграции на постсоветском пространстве, так как даже с распадом таких интеграционных объединений как СЭВ и единого государства в лице СССР экономические, политические, исторические и культурные связи никуда не делись, хотя и обрели другие формы.

Процесс трансформации и поиски подходящей региональной модели интеграции ПСП подробно отражен в работах Л.Б. Вардомского, где показаны стадии перехода и трансформации моделей региональной интеграции. В частности, процесс перехода от дезинтеграции к реинтеграции национальных экономик показан в контексте трансформации частных государственных миссий в миссии коллективные. В них ведущую роль играет «энергетическая часть, которая обеспечивала взаимные интеграционные устремления Беларуси, Казахстана и России, позволила аккумулировать доходы для развития других отраслевых миссий и самое главное – для формирования евразийской интеграционной миссии» [2, с. 128]. Данный тезис хорошо иллюстрирует экономический прагматизм позволивший начать консолидацию «коллективных миссий» независимых государств постсоветского пространства, которому предшествовали хаотичные процессы создания новых государств после распада СССР.

Особенностью исследования основных интеграционных проектов ПСП, которые пришли на смену СЭВ и СССР, являются вопросы практической применимости западных экономических и политических теорий интеграции. Это требует выделения отдельных проектов интеграции ПСП в контексте их экономического, политического и исторического развития.

1. СНГ и ЗСТ СНГ.

Ретроспективный анализ проблем экономической интеграции на ПСП позволяет выделить специфику и проблемы таких интеграционных проектов как СНГ, которые не смогли провести реинтеграцию единого экономического пространства. В момент своего становления СНГ формально обладал признаками классической модели (единый договор, предпосылки к созданию наднациональных органов, неравный уровень экономического развития

участников), что можно оценивать, как попытку скопировать опыт Евросоюза в рамках пяти стадий интеграции по Б. Балашии.

Однако стартовые условия, в которых производились попытки запуска интеграционных процессов, не позволили реализовать такой рецепт интеграции. Это утверждение иллюстрирует тезис Н.С. Зиядуллаева о первых этапах интеграции ПСП, где «большинство стран придерживалось идеи разноскоростной интеграции, углубления и развития двусторонних отношений и консультативных органов СНГ без наднациональных функций управления. Намечившееся же сближение было куда менее стремительно и менее интенсивно, чем предшествовавший ему распад» [6, с. 21]. Таким образом, при наличии единого технико-экономического комплекса отсутствовали механизмы, которые позволили бы скорректировать негативные последствия от экономической интеграции для стран, имеющих наиболее низкий уровень экономического развития. Попытки создания единого экономического пространства без соответствующих механизмов распределения выигрыша от экономической интеграции стало затрагивать наиболее острую проблему, касающуюся опасений ННГ за собственный суверенитет по причине слишком разного уровня экономического развития интегрирующихся стран.

Указанные причины, в сущности, делают неприменимыми целый ряд западных теорий экономической и политической интеграции. В частности, на данном этапе невозможно рассматривать интеграцию между ННГ с позиции федерализма/неофедерализма, поскольку новые независимые государства крайне сильно дифференцированы в экономическом развитии, что определяет текущее взаимодействие крупнейшей экономики в лице России со странами «пояса соседства», которое зачастую носит постфакторальный характер, и не нацелено на приведение региона к единству.

Невозможность достижения общего консенсуса по дальнейшему развитию интеграционного проекта СНГ предопределило путь трансформации интеграционного объединения с выделением нового «ядра»¹ постсоветской интеграции в лице «большой тройки» стран ЕАЭС и переходу к двустороннему сотрудничеству в рамках СНГ с заинтересованными сторонами. Важной вехой в этом сотрудничестве выступает ЗСТ СНГ, которая знаменовала переход к многостороннему сотрудничеству в регионе, заменив существенную часть двусторонних соглашений одним многосторонним соглашением, что открывает возможности для использования наработок открытого регионализма².

¹ Под «ядром» в данном случае понимаются основные акторы интеграции в лице России Казахстана, Белоруссии, которые обладают наибольшим ресурсным, территориальным и научно-технологическим потенциалом, что проявляется в наличии сильно развитого добывающего сектора России и Казахстана с одной стороны и производственного сектора со стороны Белоруссии, что обеспечивает взаимодополняемость национальных экономик

² В данном случае «открытый регионализм» подразумевает исследование экономического развития и интеграционного взаимодействия стран региона в контексте развития мировой

Важно подчеркнуть, что даже с формальным выходом некоторых стран из состава СНГ это несколько не уменьшает «геостратегическое положение объединения, через которое проходят наиболее перспективные международные транспортные и энергетические коридоры, что базируются на жесткой логике экономических расчетов и прагматизме» [6, с. 25].

2. ГУ(У)АМ и ЦАС

Интеграционные процессы среди стран ПСП начала 2000-х гг. показывали достаточно низкий горизонт планирования ННГ, что проявлялось в создании межгосударственных объединений, которые носили в большей степени политический, а не экономический характер, что опередило их дальнейший путь развития. Здесь можно выделить судьбу таких интеграционных объединений как Центрально-азиатский союз (ЦАС) и Восточно-Европейский союз преобразованный в ГУ(У)АМ по первым буквам стран участниц (Грузия, Украина, Узбекистан – вышел, Азербайджан, Молдова). В первом случае организация объединяла бывшие советские республики Центральной Азии и была создана как площадка для взаимодействий между государствами ЦА в различных сферах экономики для создания единого экономического пространства. В дальнейшем цели ЦАС сильно изменились после того, как к организации присоединилась Россия по инициативе Узбекистана.

На самом саммите в Душанбе после присоединения России была подтверждена главенствующая роль России как инвестиционного донора и посредника в разрешении конфликтных ситуаций. В дальнейшем организация была поглощена ЕврАзЭС, как более совершенного формата интеграции с одинаковыми заявленными целями.

ГУ(У)АМ в отличие от ЦАС в качестве основных целей провозгласил противостояние новому российскому экспансионизму, однако на практике организация стала являться политическим механизмом для создания препятствий по реализации единого транспортного пространства СНГ со стороны стран ЕС и США.

На примере указанных организаций в определенной степени можно наблюдать попытки выстраивания территории безопасности для ННГ на основе высокой политики в рамках «общих идентичности, ценностей, и смыслов; многосторонних прямых связей и взаимных долгосрочных интересов» [23, 25–27], что в большей степени относится к ЦАС. Основным результатом этих попыток стало то, что обе организации, сделавшие ставку на совместные политические устремления, оказались несамостоятельными и при разных заявленных целях оказались или фактически упразднены (ГУ(У)АМ) или поглощены (ЦАС).

Однако даже при наличии исключительно вербальных целей экономической интеграции в рамках ГУ(У)АМ и ЦАС, новые независимые государства продемонстрировали хороший экономический прагматизм,

экономики, которое находится в русле экономической глобализации и служит своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации мировой экономики [14, с. 61–78]

который заключался в поиске инвестиционного донора для оживления собственной экономики и придания ей необходимого импульса к активизации жизнедеятельности. В результате суть создания подобных региональных форматов в большей степени сводилась к совместному поиску интеграционных центров притяжения, которые позволяют найти инвестиционного донора взамен на политические уступки, лояльность и, в конечном счете, полной или частичной утрате достигнутого суверенитета, которая является наиболее болезненным вопросом для новых независимых государств постсоветского пространства.

Здесь можно выделить исследования З.А. Дадабаевой и Е.М. Кузьминой, где показан целый ряд проблем, который заключается в однотипности экономик региона, отсутствии надлежащих формальных институтов интеграции на примере подробного анализа трансформации интеграционных проектов ЦАЭС-ЦАФ-ОЦАС и их реорганизация и поглощение объединением ЕврАзЭС-ЕАЭС. История трансформации ЦАС показала, что наличие целеполагания по созданию «трех консорциумов в транспортной, водной и продовольственной сферах» не помогло организации должным образом разрешить имеющиеся противоречия собственными силами, даже учитывая рекомендации Всемирного, Азиатского и Исламского банков [3, с. 30]. Неспособность ЦАС как формального института провести институционализацию экономических интересов¹ привело к деформации и исчезновению регуляторной функции объединения в связи с его поглощением. Сделанные выводы об отсутствии перспектив активного развития формальной интеграции на основе соглашений и институтов в целом не противоречат проблемам интеграции развивающихся стран на примере других интеграционных объединений. В частности, можно привести пример интеграции на африканском континенте, где попытки формальной интеграции «сверху» от Всемирного банка и региональных объединений Африки в лице ЭКОВАС, КОМЕСА, ЭККАС потерпели неудачу по той же самой причине [17, с. 79].

Важно подчеркнуть, что применение западных теорий экономической и политической интеграции существенно ограничено отличием интеграционных процессов между организациями развитых стран и объединениями стран развивающихся. В случае с развивающимися странами нормативные соображения и идеи имеют большее значение, чем функциональный подход, так как изначально дизайн региональных организаций в развивающемся мире определялся не необходимостью совместного решения проблем (общая внешняя угроза, либерализация торговли и т.п.), а разделяемыми подходами относительно суверенитета, выживания режимов, невмешательства и т.д. [15, с. 137].

¹ По определению Л.А. Карасевой, институционализация экономических интересов – это процесс создания и конструирования набора равноуровневых норм, статусов, ролей и приведения их в систему, которая способна действовать в направлении эффективного социально-экономического развития территории [6, с. 42–56]

3. Союзное государство России и Белоруссии

Еще одним проектом, который играет существенную роль в интеграции между ННГ, является проект Союзного государства России и Белоруссии (далее СГРБ). Здесь необходимо обратиться к тезису Н.С. Зиядуллаева о том, что «именно Россия и Беларусь первыми сделали реальные шаги навстречу друг другу, сформировав базовый ярус интеграции. Оба государства имеют единые славянские и культурологические корни, общую многовековую историю и взаимосвязанную экономику: не много есть в мире народов, человеческие судьбы которых были бы столь тесно переплетены» [6, с.19].

Этот пример мог бы служить иллюстрацией применения нефункционалистского подхода через «перелив» (spillover) за счет взаимодополняемости развитого добывающего сектора России, с одной стороны, и производственного сектора со стороны Белоруссии, что обуславливает взаимодополняемость национальных экономик и обеспечивает наличие точек соприкосновения в сфере «низкой» политики с возможностью перехода к единым органам управления. Однако формирование параллелизма лояльности участников политического процесса по отношению к национальным и наднациональным институтам в рамках концепции неофункционализма так и не произошло. В качестве возможного объяснения могут выступать некоторые положения теории рационального выбора. Государства и их национальные элиты выбирают путь интеграции, если плюсы от интеграции значительно превышают минусы от отказа от интеграции, где окончательный выбор остается за национальными элитами, где суверенитет будет превалировать над положительными эффектами интеграции.

Нынешнее состояние проекта отражает сущность интеграции ННГ, которые за счет имеющихся технико-экономических, культурных, исторических и языковых предпосылок получают сильный импульс для запуска интеграционных проектов, которые, однако, в скором времени начинают серьезно «буксовать». Причиной этого следует считать частичное или полное игнорирование таких составляющих кооперационных связей как целенаправленность, максимальный учет и гармонизация экономических интересов партнеров, а также эффективная адаптация к внешним условиям и нацеленность не на получение прибыли как таковой, а на достижение определенных экономических выгод для ее участников, сокращение затрат

В результате из наиболее продвинутого интеграционного проекта, в основе которого была взаимодополняемость национальных экономик, интеграционное объединение СГРБ трансформировалось в условный «интеграционный проект с большим сроком окупаемости»¹ для России и стабильным инвестиционным донором для Белоруссии.

¹ Под интеграционным проектом с большим сроком окупаемости понимается совокупность дотаций, субсидий, преференций и льгот от одной страны (актор интеграции/страна-донор) к другой (страна-реципиент) в течение длительного периода времени (более 10-15 лет*) в целях получения экономических и

Важно подчеркнуть, что под интеграционным проектом с большими сроками окупаемости понимается не столько результат (совокупность затрат для получения выгоды от интеграции в будущем) сколько процесс (ежегодные убытки страны-донора в целях поддержания заинтересованности страны-реципиента к продолжению интеграции через ратификацию соглашений об интеграции). Такой подход позволяет форсировать этап «протоколов о намерении» и перейти к интеграционным соглашениям, которые имели бы юридическую силу. Однако эффективность подобного подхода является поводом для дискуссий по причине его дороговизны и рисков. Так, совокупный объем субсидий, дотаций преференций, предоставленных Россией Беларуси в 2001–2020 гг., составил, по расчетам ВШЭ, более 120 млрд долл [6], из которых значительно выделяются энергетические субсидии, которые составили с 2012–2019 гг. 45 млрд долл [18]. Таким образом, с уменьшением нефтегазовых трансфертов в ЕАЭС в связи с проведением налогового маневра в нефтегазовой отрасли России значительно сократилась и «энергетическая часть», которая обеспечивала интеграционные устремления Белоруссии к созданию единого экономического пространства.

4. Восточное партнерство и Ассоциация с ЕС

Программа сотрудничества стран Еврзоны с ННГ ПСП была инициирована министрами иностранных дел Швеции и Польши – Карлом Бильдтом и Родославом Сикорским в мае 2008 г., в декабре того же года ее одобрили лидеры стран Евросоюза. В программном документе [24] по развитию партнерства с соседними странами в период с 2014 по 2020 г, который был подготовлен Европейской службой внешних дел, указывается, что Восточное Партнерство направлено на создание необходимых условий для ускорения политической ассоциации, углубления экономической интеграции между Европейским Союзом и заинтересованными странами-партнерами. Цели сотрудничества направлены на поддержку социально-экономических реформ в странах-партнерах, способствуя всестороннему сближению со стандартами и нормами Европейского Союза, постепенно ведущему к экономической интеграции во внутренний рынок ЕС.

Также отдельно подчеркивается важность синергии с другими инициативами, такими как «Северное измерение» и «Черноморская синергия», которая состоит в эффективном сотрудничестве с более широким регионом Восточного соседства.

политических уступок для будущих соглашений в целях реализации и усиления положительных эффектов интеграции для национальной экономики страны-донора в будущем.

* Учитывая все возрастающую роль и влияние транснациональных компаний (ТНК) и финансово-промышленных групп (ФПГ) как субъектов интеграции на постсоветском пространстве, здесь уместно привязываться к долгосрочному периоду горизонта планирования, которое используется в научной литературе по корпоративным стратегиям ТНК/ФПГ, который, как правило, составляет 10-15 лет с. [9, с. 266].

«Северное измерение» - это совместная политика ЕС с Россией, Норвегией и Исландией. Оно обеспечивает политическую основу для реализации целей Стратегии ЕС для региона Балтийского моря совместно со странами, не входящими в ЕС, такими как Россия и Белоруссия, и является региональным выражением четырех общих пространств и стратегического партнерства между ЕС и Россией. «Черноморская синергия» направлена на поддержку регионального сотрудничества в Черноморском регионе.

Стратегия Восточного партнерства нацелена на решение следующих проблем и задач:

- сохранить стабильность и независимость стран-партнеров в сложных геополитических условиях и сопротивление внешнему давлению; устранить недостатки демократии и управления, включая конституционные и избирательные реформы, содействовать контактам между людьми;

- обеспечить демократическое правоприменение посредством глубоких реформ сектора безопасности;

- реформировать энергетический и транспортный секторы, повысить энергетическую безопасность, стимулировать, где это уместно, интеграцию с ЕС;

Отдельно необходимо отметить Финансовую поддержку и помощь странам ВП в развитии экономики, которая реализуется в рамках общей Европейской политики соседства (ЕПС), а Европейский инструмент соседства является ее основным проводником. Его суммарный бюджет на период с 2014 по 2020 г. составляет 15,4 млрд евро. Это один из самых значительных финансовых пакетов, представляющий собой 24 % расходов бюджета ЕС на внешние цели [6, с. 224].

Таким образом, Восточное Партнерство представляет собой преимущественно социально-экономическое сотрудничество с выделением безвизового режима, зоны свободной торговли и подключение к европейской энергетической системе. Сам проект, пользуясь определением Б.А. Хейфеца, представляет собой накопительную модель интеграции и использует концепцию открытого регионализма. Вместе с этим существующий механизм сотрудничества в рамках Восточного партнерства не является инструментом по расширению Евросоюза и направлен преимущественно на сотрудничество в определенных секторах экономики.

Это разграничение можно наблюдать и в самом программном документе, в котором отдельно выделяются мероприятия для тех партнеров (Грузия, Молдова и Украина), которые заключили и подписали Соглашения об Ассоциации с ЕС, включая Углублённые и всеобъемлющие зоны свободной торговли (УВЗСТ). Здесь в качестве ключевой проблемы выделяется правильное выполнение соглашений и административный потенциал для извлечения максимальной выгоды для торговли и экономического развития. Таким образом, Восточное партнерство и Ассоциация с ЕС (УВЗСТ как неотъемлемая часть

соглашения об ассоциации) представляет собой межправительственный дифференцированный подход к интеграции со странами ПСП.

5. ЕврАзЭС, ТС и ЕАЭС

Скромные успехи СНГ по реинтеграции экономических связей, которые опосредованы существенным неравенством экономик ННГ, отсутствием механизма распределения выигрыша от интеграционных процессов и опасений новых государств, связанных с утратой достигнутого суверенитета [12, с. 185–201] послужили предпосылками к созданию нового интеграционного проекта. В случае Евразийского Экономического Сообщества (далее ЕврАзЭС) и Таможенного Союза был учтен опыт СНГ, связанный с отсутствием интереса ННГ в углублении интеграции.

Таможенный Союз изначально был встроен в ЕврАзЭС и первоначально являлся необязательным для стран-участниц, однако взаимные экономические устремления большой тройки ЕврАзЭС в лице России, Белоруссии и Казахстана позволили создать единую таможенную территорию. Таможенный союз смог предложить интеграцию на основе экономического прагматизма, где наиболее развитая национальная экономика предоставляет льготы интегрирующимся странам Таможенного союза. В исследуемом примере такой страной стала Российская Федерация, которая использовала механизм распределения ресурсной ренты, благодаря чему страны ТС/ЕврАзЭС получали энергоресурсы по ценам, которые значительно ниже среднемировых. В этом случае соблюдался интерес российских корпораций, которые получают доступ к рынкам сбыта своей продукции, а страны-партнеры по ТС/ЕврАзЭС получают льготы при торговле внутри объединения при интеграции на базе указанного формата [13, с. 60–66].

Начиная с января 2015 года интеграционные процессы между Белоруссией, Казахстаном, Россией и присоединившейся Арменией и Киргизией регулируются договором о Евразийском Экономическом Союзе (ЕАЭС). Данный договор, несмотря на то, что содержит ряд уточняющих положений, носит в большей степени формальный характер, так как многие положения, по сути, дублируют соглашения 2009 г. о Таможенном Союзе (ТС) и 2011 г. о едином экономическом пространстве. Данный вывод был сделан прежде всего исходя из того, что при рассмотрении Раздела 3 статьи 8 Договора о ЕАЭС можно увидеть, что создание новых наднациональных органов являются скорее формальностью и фиксацией преемственности уже существующих наднациональных органов. Таким образом, мы видим создание высшего Евразийского экономического совета на уровне президентов, Евразийского межправительственного совета на уровне премьеров, Суда Евразийского экономического союза, и Евразийская экономическая комиссия остается исполнительным органом интеграционного объединения [4].

Тем не менее функционирование ЕАЭС как «наиболее успешного и перспективного в СНГ интеграционного объединения» [6, с. 76] ознаменовало переход от «мечтательно-геополитического к рационально-

прагматическому видению» [20, с. 35] экономических интеграционных процессов в регионе.

Переход к интеграции на основе политики рыночного прагматизма хоть и оказался эффективен, но не позволил устранить имеющиеся проблемы взаимодействия между участниками интеграционных объединений. Так, например, проблемы экономического роста стран-участниц ЕАЭС на фоне пандемии COVID-19 и кризис доверия к России со стороны мирового бизнеса. Здесь целесообразно обратиться к понятию институционального доверия, т.е. доверия к институтам государства-контрагента, а также доверие, воплощенное в институтах, созданных совместно или в партнерстве с государством-контрагентом (наднациональные институты, союзы и др. международные структуры) [1, с. 60–66].

Бурное развитие и трансформация региональных объединений ПСП начала 2000-х и до сегодняшнего времени знаменует начальную стадию формирования доверия к совместно выработанным правилам игры, следование которым делает поведение партнера предсказуемым. Недостаток доверия к институтам рыночной экономики соседнего государства (валютная и финансовая система, работа таможенных служб, судебной системы и правопорядка) не позволяет реализовать глубокую экономическую интеграцию. Так, недостаточный уровень доверия к рыночным институтам России, как одного из основных акторов интеграции в регионе, опосредует институциональную неразвитость интеграционных проектов ПСП. Указанная проблема проявляется в подходе к экономической интеграции ННГ, когда при наличии оснований к делегированию части суверенитета наднациональным структурам происходит отторжение этих идей по различным причинам политического и экономического характера. Среди них как нежелание политического руководства стран терять властные полномочия, так и опасения малых экономик быть поглощенными в ходе интеграционных процессов.

Естественно, что наличие у России как одного из главных игроков в регионе «репутационных издержек», которые имеют исторические предпосылки «принуждения к дружбе» [6, с. 73] стран-соседей будут в значительной степени препятствовать интеграционным проектам, которые требуют серьезной политической воли. Так, в частности, не произошло формирование валютного союза между «большой тройкой» в лице России, Белоруссии и Казахстана. Однако при таких вводных данных он и не мог быть создан, что отражено в тезисе Б.А. Хейфеца о том, что «Россия не была готова даже частично отказаться от своих суверенных прав по регулированию национальной экономики, передав их на наднациональный уровень» [20, с. 35], что противоречит логике экономических интеграционных процессов.

Также интересен тезис Ю. В. Шишкова, о том, что чем ближе ЕврАзЭС будет подходить к созданию надгосударственных структур, обеспечивающих плотную конвергенцию бюджетной, фискальной и других аспектов макроэкономической политики, тем труднее будет

продвигаться к вершине интеграции [21, с. 22], что не утратило свое актуальность после трансформации объединения в ЕАЭС.

В результате создания ЕАЭС сложно соотносить с определенными западными теориями интеграции. Так, если обращаться к классической теории интеграции Б. Балаши, то вместо последовательной интеграции от зоны свободной торговли к экономическому союзу можно наблюдать форсирование интеграции, когда в названии интеграционного объединения выносятся экономический союз, хотя на практике объединение является в большей степени таможенным союзом с только формирующимися наднациональными органами.

Имеющиеся проблемы вкупе с экономическим прагматизмом интегрирующихся стран привели к тому, что основная ставка делается на отдельные аспекты в лице общего рынка нефти ЕАЭС, который называют «универсальным интегратором»¹ ННГ. В качестве примера такого интегратора можно привести механизм нефтегазовых трансфертов между странами ЕАЭС, где любой участник объединения оставляет за собой право независимо устанавливать размеры экспортной пошлины на нефть, газ и нефтепродукты, которые взимаются при экспортах в третьи страны и не уплачиваются при торговле между участниками интеграционных объединений. Иными словами, если первая страна ЕАЭС продает второй энергетический товар без экспортной пошлины, то вторая страна недоплачивает за каждую единицу товара сумму, равную действующей экспортной пошлине в первой стране, получая его по цене ниже мировой примерно на величину этой экспортной пошлины. В результате освобождение от экспортной пошлины при продаже газа в страны ЕАЭС снижает цену поставок на ее величину [8, с. 87–108].

Такой подход не является новым, так как механизм нефтегазовых трансфертов использовался до создания ЕАЭС и продолжает использоваться по сей день. Хотя роль трансфертов как «универсального интегратора» имеет тенденцию на снижение, что связано с изъятием ренты через НДС с одновременным обнулением экспортной пошлины к моменту создания единого нефтяного рынка ЕАЭС, который должен начать функционирование к 2025 году.

В целом такой подход к интеграции со стороны взаимоотношений России с партнерами по ЕАЭС/СНГ соотносится с дискуссиями по поводу актуальности формулы А.Д. Некипелова, где цель интеграции – «получить от России максимум экономических выгод и стараться не принимать никаких политических обязательств» [22, с.129], что действительно отражает экономический прагматизм в интеграции со стороны партнеров по СНГ, ЕАЭС, однако едва ли соотносится с целями долгосрочного сотрудничества по обеспечению единого экономического пространства,

¹ Общий рынок нефти ЕАЭС как универсальный интегратор // ЕЭК новости [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaunion.org/news/speech/vadim-zakrevskij-obschij-rynok-nefti-eaes-kak-universalnyj-integrator/>

выравнивания экономического развития интегрирующихся стран и получения выгод от долгосрочного сотрудничества.

Иерархия интеграционных проектов постсоветского пространства: сотрудничество и противоречия

Хронология развития интеграционных проектов ПСП показала, что некогда единое постсоветское пространство заполнилось рядом интеграционных проектов, цели которых нередко вступают в противоречия друг с другом. Указанные негативные моменты могут являться одной из причин научного дискурса о низкой эффективности интеграционных проектов ПСП.

Хорошей отправной точкой для развертывания тезиса являются дискуссии о консенсусе по оценке интеграционных процессов ПСП в рамках конференции 30 лет трансформации постсоветских государств. Здесь заслуживает внимание тезис Д.И. Ушкаловой о низкой эффективности участия России в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, который сложился в российском научном сообществе [22, с. 139]. Так, в качестве одной из возможных трактовок причин низкой эффективности интеграционных процессов относят попытки скопировать европейский опыт экономической интеграции, в рамках которого невозможность создания и зон свободной торговли без изъятия ограничений, которая охватывает весь объем торговли, и Таможенного союза, и общего рынка – трактуется как провал интеграции.

Исследуя интеграционные проекты в странах ЦА, З.А. Дадабаева и Е.М. Кузьмина указывают на отсутствие единства среди стран ЦА, которое проявляется в достаточно скромных успехах интеграции. Кроме того, авторы обращают внимание на неимение у России, как одного из крупнейших игроков региона, в отличие от других центров интеграционного притяжения, мультирегиональной стратегии сотрудничества с Центральной Азией [3, с. 37]. Также необходимо выделить тезис Н.С. Зиядулаева о проблемах интеграции в рамках СНГ, у которого на момент создания отсутствовали наднациональные органы, которые могли бы обеспечить интеграционные устремления новых независимых государств. Это значительно уменьшило роль СНГ в интеграционных процессах между новыми независимыми государствами, и многие из договоренностей, называвшихся их авторами «прорывными», так и остались на уровне протоколов о намерениях [6].

Однако даже ратификация соглашений далеко не всегда означает надлежащее выполнение сторонами принятых на себя обязательств, что может быть связано с отсутствием надлежащего инфорсmenta контрактов. При форсировании основным актором интеграционных процессов создается ситуация институциональной неразвитости механизмов обеспечения надлежащего инфорсmenta контрактов¹, что приводит к

¹ Под механизмами надлежащего инфорсmenta контрактов, с одной стороны, понимается наличие соответствующей технико-экономической и ресурсной базы для исполнения принятых на себя обязательств (возможность исполнения технических, инвестиционных, экологических

возникновению барьеров в торговле. Так, используя гравитационную модель, Дж. Соуса и А. Дисдьер показали, что слабые экономические институты и слабый инфорсмент контрактов аналогичны барьерам в торговле [26]. В результате многие региональные структуры ПСП в значительной степени подверглись процессу деформации¹, что негативным образом сказалось на их регуляторной функции обеспечения интеграционных процессов. Именно изменение экономической составляющей интеграции национальных экономик в связи с усилением политических барьеров привело к задержке многообещающего интеграционного проекта СГРБ. Это позволило определить евразийский интеграционный проект ЕАЭС в качестве одного из центров интеграционного притяжения как международного региона.

Для целей исследования и уточнения необходимо провести дополнительное разграничение интеграционных проектов ПСП в контексте исследуемых регионов. Определение, которое дает Г.М. Федоров и В.С. Корнеев, заключается в выделении двух составляющих термина «международный регион», а именно транснациональный и трансграничный регион. В первом случае транснациональные регионы включают государства, связанные в политическом или экономическом отношениях, которые институализированы международными договорами (ЕС, НАТО, СНГ). Трансграничный регион отличается тем, что создается в ходе сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований соседних государств или, в случае социально-культурных регионов, включает близкие по важным параметрам приграничные регионы стран-соседей. В соответствии с этим определением можно рассматривать «пояс соседства» России в качестве трансграничного региона, в основе которого лежат связи между территориями разных стран, что опосредует процесс регионализации.

Под регионализацией понимается создание и действие институтов межгосударственных экономических отношений преференциального и непреференциального характера, приводящее к образованию международного региона с одновременной структурной и технологической трансформацией экономик входящих в него стран².

стандартов и т.д.) на национальном уровне. С другой стороны, предполагается наличие у наднациональных органов интеграционного объединения функций наблюдения и предотвращения случаев злоупотребления соглашениями об интеграции (как пример – использование Киргизией процедуры реэкспорта китайских товаров для придания им статуса товаров стран ЕАЭС для их попадания на рынок России в обход тарифных барьеров в отношении КНР).

¹ Под деформацией понимается изменение взаимного положения институтов экономической системы, которое вызывает искажение их первоначальной формы – по аналогии с деформацией физических тел, где на первых этапах все институты интеграционного объединения продолжают выполнять свою первоначальную функцию. Однако их положение постепенно меняется, что ведет к искажению их первоначальной цели [11, с. 112–130], это в конечном итоге вызывает изменение в их регуляторной функции, оставляя схему донор-реципиент, которая не предполагает дальнейшего усиления интеграционных процессов.

² Доклад «Процессы региональной и трансрегиональной интеграции и их влияние на развитие экономики стран российского «пояса соседства»: новые возможности и угрозы для России»

Пользуясь иерархией, предложенной Г.М. Федоровым и В.С. Корнеевцем, выделим иерархию интеграционных проектов ПСП в контексте их взаимодействия, как между собой, так и с третьими межгосударственными региональными структурами [19, с. 8–14].

Таблица 2

Интеграционные проекты ПСП в системе регионов

Объединение	Регион	Теоретическое основание интеграции (основные черты)
СНГ	Мегарегион	Неолиберализм
ЕАЭС	Международные макрорегионы	Spillover- неофункционализм
СГРБ		Spillover- неофункционализм
ГУ(А)АМ		Теория сообществ безопасности
ЦАС		Теория сообществ безопасности
Восточное Партнерство		Дифференцированный межправительственный подход
Ассоциация с ЕС		Дифференцированный межправительственный подход
Еврорегионы	Трансграничные мезорегионы	Дифференцированный межправительственный подход

Источник: составлено автором по материалам [19, с. 8–14].

Анализ интеграционных проектов ПСП показал, что ННГ достаточно слабо участвуют в трансграничной кооперации. Это обусловлено продолжительной историей как вертикальной интеграции в рамках административно-командной экономики, так и проблемами недостаточно развитых горизонтальных связей между ННГ.

По этой причине можно было наблюдать первые неудачные попытки проведения интеграции на основе неолиберального подхода с постепенной трансформацией СНГ в рамках классических стадий интеграции. В большей степени указанный тезис соответствует состоянию кооперации в Центральной Азии, где однотипность экономик, проблемы безопасности и суверенитета являются центральными, что крайне сужает функциональный подход и применимость теоретических концепций экономической и политической интеграции. Слабая горизонтальная кооперация в меньшей степени видна среди ННГ, которые граничат с Евросоюзом, что опосредовано применением дифференцированного межправительственного подхода в отношении ННГ и применением инструментов финансовой поддержки в развитии экономики, которые реализуется в рамках общей Европейской политики соседства (Восточное Партнерство, Ассоциация с ЕС).

Вместе с этим важно выделить природные особенности территорий, так как физическая удаленность и техническая ненадежность взаимных коммуникаций вызывает рост «трения расстояния» и ослабляет ход регионализации на одних ее направлениях и усиливает на других

Наличие транспортно-логистических проблем и политических противоречий играют существенную роль в трансграничной кооперации и

// Онлайн-заседание секционного Ученого совета научного направления «Международные экономические и политические исследования», Москва, 28 июня 2021 г.

соотносятся с тезисом о том, что режим СТ не всегда создает торговлю. Непреференциальные модели регионализации, построенные на кредитно-инвестиционной основе, с точки зрения роста внешнеторговых связей оказались более продуктивны. Об этом свидетельствует динамичный рост торговли рассматриваемых стран с КНР. Схожую модель применяет и Турция. Особую роль в этой экспансии играют крупные инфраструктурные объекты, такие как система газопроводов и нефтепроводов из Центральной Азии и РФ в КНР и из Азербайджана в Турцию через Грузию; развитие «сухих портов» в местах примыкания железных и автодорог; налаживание современных контейнерных коммуникаций трансатлантического значения¹. Подобный формат сотрудничества соотносится с теоретическими концепциями «перелива» и является наиболее актуальной с позиции практической применимости теоретических подходов к интеграции ННГ, что в целом соотносится с тезисами о нефункциональных моделях интеграции ПСП как наиболее жизнеспособных [10, с. 73]. Особой актуальностью также обладают наработки «сложного» перелива, предложенного неотрансакционистами в условиях разнонаправленности интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Алексеенкова Е.С. Хаос и игра без правил: о современном кризисе доверия в отношениях России и Запада // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2015. С.67–81.
2. Вардомский Л.Б. Интеграционная миссия постсоветского пространства // Мир перемен. 2022. №1. С.119–128.
3. Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. 55 с.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.02.2017) [электронный ресурс] – Система Консультант (дата обращения 15.04.2023).
5. Дырина А.Ф. Восточное партнерство: от идеи к реализации // Актуальные проблемы Европы. 2019. С.217–233.
6. Зиядуллаев Н.С. Экономика стран Содружества: ретроспектива, стратегии и императивы / под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ИПР РАН, 2022. 240 с.
7. Карасева Л.А., Зинатулин А.М., Топалян М. Р. Институционализация экономических интересов в социально-экономическом проектировании территорий // Проблемы развития территорий, 2018. №1 (93). С 42–56.
8. Кнобель А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87–108.
9. Коупленд Т., Коллер Т., Муррин Дж. Стоимость компаний: оценка и управления. – 3-е изд. перераб. и доп. / пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. 576 с.
10. Ланцов С.А. Теоретические концепции международной интеграции и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве. 2013. №2. С. 65–74.

¹ Там же.

11. Медведев И.В. Влияние деформации наднациональных институтов на интеграцию национальных экономик // Вестник ИЭ РАН. 2022 №2. С. 112–130.
12. Медведев И.В. Роль российских компаний в экономических интеграционных проектах «Один Пояс - Один Путь»: Теоретические и методологические основания // Вестник ИЭ РАН. 2020. №4. С.185–201.
13. Медведев И.В. Экономико-теоретические проблемы исследования экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве на примере СНГ // Теоретическая экономика. 2020. №2 (62). С. 60–66.
14. Михеев В.В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М. 2002. С. 61–78.
15. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО Университета. 2010. С.134–139.
16. Общий рынок нефти ЕАЭС как универсальный интегратор // ЕЭК новости [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaunion.org/news/speech/vadim-zakrevskij-obschij-gynok-nefti-eaes-kak-universalnyj-integrator/> (дата обращения 15.04.2023).
17. Рыжова Н.П. Роль институтов в международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2013. №1. С. 72–88.
18. Сколько Россия заплатила за дружбу с Лукашенко за последние 10 лет // Forbes [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/407435-skolko-rossiya-zaplatila-za-druzhu-s-lukashenko-za-poslednie-10-let> (Дата обращения 15.04.2023).
19. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. О сущности и соотношении понятий «Регион», «Международный», «Транснациональный» и «Трансграничный» регион // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2010. №3. С. 8–14.
20. Хейфец Б.А. Три видения стран-участниц Евразийского экономического союза // Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 33–44.
21. Шишков Ю.В. Кризис Еврозоны: выводы для архитекторов ЕврАзЭС // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 13–22.
22. 30 лет трансформации экономик постсоветских государств: основные тренды и перспективы развития // Мир перемен. 2022 №1. С.129–169.
23. Emanuel A and Barnett M. 1998. Security Communities. - Cambridge: Cambridge University Press pp. 3 – 28.
24. ENI — the European Neighbourhood Instrument (2014-2020) [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/eni-the-european-neighbourhood-instrument-2014-2020.html> (Дата обращения 15.04.2023).
25. Moravcsik A. 1998. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca, New York: Cornell University Press. 528 p.
26. Sousa J., Disdier A. 2002. Is the Legal Framework Quality as a Trade Barrier. Evidence from Transition Countries: Hungarian, Romanian and Slovene Examples. HWWA. Discussionpaper, 201. Hamburg Institute of International Economics, 17 p.
27. Tamames R. 1994. La Comunidad Europea. Madrid: Alianza.p. 423–426.

Об авторе:

Медведев Илья Витальевич – младший научный сотрудник лаборатории методологии экономических исследований Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); e-mail: ilya13092@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3754-0409, Spin-код: 2345-8891

COMPARATIVE ANALYSIS OF THEORETICAL APPROACHES TO POST-SOVIET INTEGRATION: PART 2

I.V. Medvedev

FGBOU VO “Tver State University”, Tver.

Integration projects in the post-Soviet space have always been distinguished by their own specifics and inconsistency. The formation of new states and the emergence of new economic and political associations, due to the rapid collapse of the USSR, identified national interests and sovereignty as key components of integration between the newly independent states. This feature often led to the fact that, with the declared goals of developing a common economic space, completely different results of economic integration processes in the region were often obtained. This inconsistency makes it relevant to generalize the accumulated experience of economic integration in the post-Soviet space in order to highlight the features, mistakes and prospects for the development of integration projects in the region under study. The purpose of the study is to search for, generalize and adapt theories of economic integration in order to clarify changes in the regulatory functions of integration projects in the post-Soviet space both at the level of integration between new independent states and at the level of interaction of integration associations of the post-Soviet space with other regional structures. Scientific novelty is determined by the increment of scientific knowledge in the context of adaptation of the theories under consideration to the management of the integration process in the post-Soviet space. In the course of the study, the stability of the institutional basis of integration projects is analyzed and the supranational aspects of the integration of the post-Soviet space are clarified.

Keywords: *Eurasian integration projects, EAEU, CIS, institutional basis of integration, national interests, elites, sovereignty.*

About the author:

MEDVEDEV Il'ja Vital'evich – Junior Researcher, Laboratory of Methodology of Economic Research, Institute of Economics and Management, FSBEI HE “Tver State University”, Tver (170000, Tver, 33 Zhelyabova St.), e-mail: ilya13092@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3754-0409, Spin-код: 2345-8891.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023

Статья подписана в печать 19.08.2023